

- Брат Цяошэн, ты здесь. - Сяо Цю была очень рада видеть Мо Цяошэна.

С тех пор как Мо Цяошэн привел в город двух лошадей, на спинах которых была навалена целая гора отрубленных вражеских голов, и получил прозвище Мо Яньвана – Владыки Преисподней, многие дворцовые слуги и служанки не могли не съеживаться от страха, стоило им только увидеть его.

Страх подобного рода невольно вынуждал его, и до этого с трудом взаимодействовавшего с другими людьми, напускать на себя еще более серьезный и холодный вид.

Но, возможно, из-за того, что они были знакомы друг с другом достаточно давно, а также принимая во внимание ее юный возраст, каждый раз, когда она видела его, Сяо Цю была все такой же восторженной и оживленной, как обычно.

Это заставило Мо Цяошэна втайне вздохнуть с облегчением.

- Брат Цяошэн еще не ужинал, не так ли? Моя сестра печет лепешки. Я принесу немного, чтобы вы с братом Фэном могли посидеть и поесть вместе.

Как только дело коснулось еды, глаза Сяо Цю ярко вспыхнули. Не дожидаясь ответа Мо Цяошэна, она повернула голову и убежала.

Мо Цяошэн посмотрел вслед маленькой детской фигурке, убегавшей прочь, с легкой улыбкой, отразившейся только в его глазах, и сел за стол Чэн Фэна.

- Шум не прекращается целый день, и я очень раздражаюсь. К счастью, ты здесь. - нетерпеливо пожаловался Чэн Фэн.

- Она уже так выросла. - Мо Цяошэн протянул руку, сравнивая нынешний рост Сяо Цю с тем, который он запомнил до их отъезда из Бяньчжоу. - Если она на самом деле тебя так раздражает, ты можешь с легкостью заставить ее не осмелиться прийти сюда снова.

Чэн Фэн поджал губы и отвел взгляд.

- Все мои раны зажили.

Мо Цяошэн принес с собой маленькую банку вина, и сейчас поставил ее на стол, взяв две чаши со стола Чэн Фэна.

- Правда?

Чэн Фэн наблюдал за тем, как он разливает вино в чаши.

- Я отлеживаюсь уже больше полумесяца. В прошлом, когда мы получали подобные раны...

Они вдвоем подняли чаши и одновременно сделали легкий глоток. Вино медленно пропитало их глотки, одновременно ароматное и мягкое.

Оба припомнили, что не так давно они вдвоем вот так же сидели лицом друг к другу: одни и те же люди, одно и то же вино, но в то время оно было таким горьким и невыразительным.

Вино будоражит кровь и заставляет людей мыслить более эмоционально.

В прошлом, каждый раз, когда я был серьезно ранен, я лежал один в холодной и сырой лачуге.

Как бы тебе ни хотелось пить, воды не было, как бы ты ни был голоден, еды тоже не было.

В безграничной тишине он терпел, страдал и боялся смерти, которая могла прийти в любое мгновение.

Если ты был удачлив, находился брат, который прокрадывался к тебе ночью, чтобы засунуть тебе в рот кусочек еды, который ты раньше сохранил, и напоить тебя мутной водой.

Таким образом, едва удержавшись на волосок от смерти, ты мог продолжать бороться за выживание в темной трясине(1).

Но сейчас.

Чэн Фэн посмотрел на пустую чашу для лекарств на столе.

Каждый раз, когда он открывал глаза, там всегда была сладкая вода и теплая каша, которую пара пухлых детских ручек несла ему в постель.

Этот ребенок был невероятно многословен, из-за чего Чэн Фэн ощущал, что вокруг как-то слишком шумно. Также он не мог привыкнуть оставаться одному в тишине, медленно выздоравливая.

Он не привык к подобному теплу.

Хотя Сяо Цю была всего лишь ребенком, и часто делала что-то небрежно, но это детское сердце было очень горячим, настолько горячим, что он, долгое время находившийся во льду, подсознательно противился этому теплу.

Чэн Фэн закрыл глаза и принялся копать в своей темной жизни, вороша свои воспоминания. Кажется, он получал подобную заботу только в молодости.

И чем теплее было в то время, тем более жестокими становились воспоминания, следующие за этим.

Если бы не встреча с господином.

Как бы мог подобный мне человек, весь прогнивший изнутри, снова получить шанс на подобное тепло и нежную заботу?

Чэн Фэн выпил все вино в чаше:

- Ты просто пришел проведать меня, или что-то случилось?

Мо Цяошэн достал маленький кусочек черепахового панциря, висевший у него на шее, и некоторое время бережно потирал его пальцами.

Хэлань Чжэнь и Сыма Ту были его новыми знакомыми, и оба они относились к нему с большим энтузиазмом и искренностью.

Напротив, Чэн Фэн всегда относился к окружающим его людям очень холодно, постоянно жала их своим ядовитым языком.

Но, непонятно по какой причине, когда он пришел к Чэн Фэну, чтобы обсудить волнующий его вопрос, он ощутил спокойствие в своем сердце.

Это был его брат, который по-настоящему сможет понять его и добраться до самой сути дела.

- Ты говоришь, что это дал тебе господин?

Чэн Фэн взглянул на треугольный кулон.

- Гм. - тихо ответил Мо Цяошэн, его глаза, устремленные на черепаховый панцирь, излучали редкую нежность.

- Цяошэн, я когда-то советовал тебе держаться подальше от господина, но теперь кажется, что я был неправ. - сказал Чэн Фэн.

Всегда решительные черты лица Мо Цяошэна слегка смягчились:

- Мой господин, я надеюсь, что смогу дать ему что-то взамен, но у меня нет ничего, что я могу ему дать. Что есть такого в этом мире, что будет достойно господина? Я правда не могу догадаться и по этой причине переживаю вот уже много дней.

- Ты что, дурак? Господин - правитель государства, как может обычная вещь привлечь его внимание? Все, что ему нужно, - это твое сердце. Завтра я пойду с тобой на рынок, мы тщательно поищем что-нибудь, что соответствует твоему сердцу, и ты просто предложишь это господину с уважением.

Мо Цяошэн был обеспокоен в течение многих дней и, наконец, найдя решение, вздохнул с облегчением:

- Великая благодать.(2)

\*\*\*

Десятки тысяч военнослужащих были размещены в городе Бяньчжоу.

Каждый день, когда солнце клонилось к закату, солдаты, квартировавшие в городе, толпами выходили на рынок.

Поэтому вечером рынок стал более оживленным, и многие магазины вывесили фонари, чтобы подготовиться к открытию вечернего рынка.

Хотя первая улица была полна солдат, Мо Цяошэн и Чэн Фэн, которые шли бок о бок, все еще сильно привлекали к себе внимание.

Один был облачен в пурпурно-красную одежду, с прекрасным цветом кожи и ледяным выражением лица.

Другой был одет в простую черную одежду, но весь его вид излучал достоинство. От него исходила какая-то неясная угроза, словно бы от зловещего воинственного духа.

За этими двумя следовала белая и нежная маленькая девочка, которая озиралась по сторонам своими большими глазами.

- Ты уже придумал, что купить?

Чэн Фэн нахмурился.

Он впервые посещал такого рода рынок, и чрезмерно усердные торговцы по обе стороны дороги заставляли его чувствовать себя очень неудобно.

Он всем своим телом излучал ауру неприятия за тысячи миль отсюда, и таким образом отпугнул торговца, который пытался наклониться, чтобы поприветствовать его.

Мо Цяошэну тоже было не очень по себе. Он сказал с некоторым огорчением:

- Генерал Хэлань предложил мне купить несколько... бус и нефритовых украшений. Сыма Ту предложил... кхем.

Мо Цяошэн надолго задержался в ювелирной лавке.

Сяо Цю присела на корточки у прилавка, торгующего куклами, недалеко от двери лавки, с интересом прикасаясь к одному товару и разглядывая другой.

Одним из них был ярко сделанный матерчатый тигр, который заставил ее отложить его.

Сяо Цю вспомнила, что, когда она еще была в своем родном городе, дома тоже был такой матерчатый тигр. Хотя он был изрядно потрепан и его много раз чинили, ей так и не представилось возможности прикоснуться к нему. Это была дорогая игрушка, с которой могли играть только ее младшие братья.

- Девочка, если ты не покупаешь это, не продолжай к этому прикасаться. Это стоит пять больших лянов. Оно запачкается, и этому усталому старику будет трудно это продать. - заговорил владелец прилавка.

Пять больших лянов упали на прилавок, и из-за спины Сяо Цю протянулась рука и подняла матерчатого тигра.

- Фэн, А'Фэн, что ты с ним будешь делать? Дай мне с ним поиграть, поиграть немного.

Сяо Цю семенила за Фэном, всю дорогу приподнимаясь на цыпочки, пытаясь до него дотянуться.

Одним движением руки изящная игрушка упала ей прямо в руки, и фигура в красном, стоявшая перед девочкой, повернулась к ней спиной и зашагала вперед, не поворачивая головы.

Чэн Фэн опустил голову, идя вперед. Он был очень раздражен своими бессмысленными действиями.

Это просто так, даже если это благодарность ей за то, что она заботилась обо мне в течение этого времени, когда я выздоравливал.

- Фэн? Чу Фэн? - в этот момент раздался мужской голос невдалеке.

Чэн Фэн остановился и в одно мгновение застыл на месте. Чувство ужаса, которое заставляло его бояться, поднялось от подошв его ног до макушки головы.

Это был призрак самого глубокого страха в его сердце.

Мужчина лет тридцати остановил их.

У этого человека были белоснежные лицо и борода, и он был роскошно одет.

- Фэн, разве это не Фэн? Я не видел тебя много лет, ты так вырос.

Мужчина протянул руку, пытаясь взять Чэн Фэна за руки.

Чэн Фэна словно бы укусила змея, он яростно отступил на два шага назад, его глаза покраснели, когда он уставился на человека перед ним.

- Чу Фэн, разве ты не помнишь меня? Я Чу Ечжи, твой бывший хозяин.

Мужчина потер руки, на его лице появилось очень счастливое выражение.

- Тогда семья была в упадке, и бюджет семьи был очень ограниченным, поэтому мне пришлось продать тебя. Я сделал это с большой неохотой. Я часто думал о тебе на протяжении многих лет. Но теперь все по-другому. Мне посчастливилось служить при дворе правителя страны Сун, Сян-гуна, в качестве приглашенного министра.

Чу Ечжи расправил рукава своей мантии, чтобы продемонстрировать свое богатство:

- Чу Фэн, кто твой нынешний хозяин? Пойдем со мной, я пойду к нему и выкуплю тебя.

Он протянул руку, чтобы схватить Чэн Фэна, но на полпути белая и нежная ручка сильно ударила его по тыльной стороне ладони.

Девочка меньше десяти лет, державшая в одной руке матерчатого тигра, а в другой Фэна, сердито сказала ему:

- Его зовут Чэн Фэн, а не Чу Фэн. Он наш генерал. А ты кто? В нашем городе Бяньчжоу, как ты смеешь грубить нашему генералу Цзинь? Ты не можешь отличить хорошее от плохого!(3)

- Какой еще генерал? - усмехнулся Чу Ечжи. - Не заговаривай мне зубы, маленькая куколка. Я посланник страны Сун. Завтра я попрошу о встрече с вашим маркизом Цзинь Юэ из страны Цзинь. Если ты называешь рабов генералами, разве ты не боишься, что твой господин отрубит твою маленькую головку?

Чэн Фэн схватил Сяо Цю за руку и развернулся, чтобы уйти.

- Чу Фэн! Как ты можешь так относиться к своему старому хозяину? - Чу Ечжи протянул руку, чтобы остановить их. - Ты забыл, как я был добр к тебе тогда?

Его взгляд стал двусмысленным, когда он оглядел Чэн Фэна с ног до головы, изобразив на своем лице улыбку, которая, по его мнению, была романтической:

- Тогда ты был слишком молод, чтобы помнить. В то время нам было так хорошо вместе. Если бы не настоящая нехватка денег и невозможность обидеть те семьи, как бы я мог захотеть отдать тебя, такого невинного, который наконец-то полностью созрел, кому-то другому? - Чу Ечжи наклонился и тихо добавил: - Когда я сам к тебе еще не прикасался.

Чэн Фэн почувствовал, как по всему его телу пробежали мурашки, и он едва мог сдерживать легкую дрожь своего тела.

Подобного человека я когда-то считал живым божеством, и даже после того, как он столкнул меня прямиком в ад, я продолжал приукрашивать его достоинства в своей памяти и находил оправдания его поведению до самого конца.

Он почувствовал холод от падения в груды льда, распространявшийся по всему его телу.

- Фэн, что с тобой не так?

Сяо Цю обеспокоенно посмотрела на мертвенно бледного Чэн Фэна и взяла его за руку.

- Идем. - стиснул зубы Чэн Фэн. - Пойдем отсюда.

- Стой!

Лицо Чу Ечжи сковал холод, улыбка исчезла. Он махнул рукой, чтобы позвать нескольких человек из своей свиты, которые тут же окружили Чэн Фэна и Сяо Цю.

Из тени за дверью лавки протянулась рука и схватила Чэн Фэна за плечо.

Эта рука была одновременно теплой и сильной.

Это был Мо Цяошэн.

Не сказав ни слова, он твердо встал позади Чэн Фэна, его глаза вспыхнули ледяным светом, когда он холодно взглянул на странных людей, облаченных в национальные одежды Сун перед ним.

Сердце Чэн Фэна, погружающееся в лед, было выловлено оттуда этой горячей рукой.

Он почувствовал, что его онемевшие ноги постепенно укрепляются.

Он оттолкнул Сяо Цю себе за спину, сжал рукоять меча в руке, фыркнул, извлек лезвие сабли из ножен и с покрасневшими глазами столкнулся лицом к лицу с человеком, которого ненавидел до самой глубины души.

\*\*\*

- Командир Мо.

- Что здесь делает командир?

- Потасовка? Тогда считайте и меня, Ян Шэна.

Несколько солдат Цзинь, бесцельно бродивших по улице, мгновенно окружили их.

У лидера этой группы солдат был бросающийся в глаза шрам на лице, что делало его лицо отвратительным и ужасающим. Он закатал рукава и протолкался вперед, встав прямо перед Чу Ечжи.

- Недоразумение, недоразумение. Я посланник страны Сун, так что вы не должны быть грубыми.

Чу Ечжи видел, что у другой стороны был численный перевес, и там также присутствовал генерал среднего звена. Зная, что подобных людей лучше не задевать без особой причины, он сразу оробел в своем сердце.

Поэтому он немедленно назвал себя, подозвал свою свиту и поспешно удалился.

Мо Цяошэн и Ян Шэн поздоровались.

Мо Цяошэн положил свою руку на плечо Чэн Фэну.

- Пойдем, вернемся назад.

Чэн Фэн повернул голову и посмотрел на него.

Мо Цяошэн хорошо понимал настроение Чэн Фэна в данный момент.

Он увеличил силу нажатия своей руки:

- Не беспокойся. Все в порядке. Все будет хорошо.

\*\*\*

1. (黑暗 - àn wú tiān rì). Идиома, означающая полную темноту / полное отсутствие справедливости;

2. (善 - dà shàn). Буддийский термин, означающий великую благость / действительно хорошую вещь или человека с хорошей ценностью.

3. (不分好歹 - bù zhī hǎo dǎi) - используется для обозначения человека, не отличающего добро от зла; не принимающего доброту других. Это также метафора того, что вы не оцениваете себя, когда делаете что-то, и провоцируете тех, кого вы не можете себе позволить провоцировать.

<http://tl.rulate.ru/book/51810/2431310>